

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 134–141.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):134–141.

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09«19»

DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.013

Художественное функционирование женских образов в первой части романа А. Н. Толстого «Петр Первый»

София Михайловна Червоненко

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал),
Мытищи, Россия
sm1705@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роман А. Н. Толстого «Петр Первый». Для анализа выбраны некоторые женские персонажи. Особое внимание уделяется поэтике образов царицы Евдокии, возлюбленной царя немки Анны Монс, курфюрстин: Софии и ее дочери Софии-Шарлотты, что позволяет проследить динамику развития одной из главных тем произведения — взаимоотношения русской и западной культурных традиций. Проведены параллели с последней частью трилогии Д. С. Мережковского «Христос и антихрист» — «Антихрист. Петр и Алексей». Установлены преемственность и новизна в раскрытии основной темы произведения. Рассматривается авторское истолкование предназначения и семейного счастья в связи с изображением в первой книге царицы Евдокии и других женских персонажей. Сравнительный анализ позволяет не только подчеркнуть стилистические особенности повествования в романе Толстого, но и выйти на уровень осмысления проблематики художественного произведения в целом: противостояния и взаимодействия русской и европейской цивилизации. Выявлено изображение положительных и отрицательных сторон того и другого миропорядка, уточняется вопрос о том, каким образом на этом акцентируется внимание писателя. Особое место в статье уделяется теме загадочности и своеобразия ментальности русского народа, обращается внимание на глубинную основу нравственно-христианского уклада жизни, что приводит автора романа к трудноразрешимому вопросу о путях прошлой, настоящей и будущей России. В исследовании подтверждается мысль о том, что вопросы взаимоотношения полов, а особенно в семье, имеют особое духовно-нравственное значение и оказывают влияние не только на развитие конкретной личности, формируя ее мировоззрение, но и на уклад общественной жизни государства в целом.

Ключевые слова: пути развития России и Европы, царь Петр, женские характеры, духовно-нравственные традиции, семейный и государственный уклад жизни.

Для цитирования: Червоненко С. М. Художественное функционирование женских образов в первой части романа А. Н. Толстого «Петр Первый» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 134–141. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.013.

Original article

The artistic function of female characters in part 1 of A. N. Tolstoy's novel *Peter the First*

Sofia M. Chervonenko

Bauman Moscow State Technical University (Mytishchi Branch),
Mytishchi, Russia
sm1705@mail.ru

Abstract. This article examines A. N. Tolstoy's novel *Peter the First*. The analysis focuses on a number of female. Particular attention is paid to the poetics of the images of Tsarina Evdokia, the Tsar's German lover Anna Mons, and the Electresses Sophia and her daughter Sophia Charlotte. This allows for tracing the dynamics

of one of the novel's main themes: the relationship between Russian and Western cultural traditions. Parallels are drawn with the final part of D. S. Merezhkovsky's trilogy *Antichrist. Peter and Alexis*. The research analyzes its continuity and novelties in revealing the main theme of the whole work. The author's interpretation of destiny and family happiness in connection with the depiction of Tsarina Eudoxia and other female characters in the first book is considered. The comparative analysis not only highlights the stylistic features of the narrative in Tolstoy's novel but also leads to a conceptual understanding of the issues within the literary work as a whole: the confrontation and interaction of Russian and European civilizations. The depiction of the positive and negative aspects of both world orders is revealed, showing how the writer emphasizes this. The article also focuses on the themes of the mystery and uniqueness of the Russian mentality, paying attention to the deep foundation of the Christian moral way of life, the thorny path of development, and how it leads the author of the novel to the difficult issue of the paths of Russia's past, present, and future. The research confirms that issues of gender relations, especially within the family, hold particular spiritual and moral significance and influence not only in the development of an individual, shaping their worldview, but also the structure of public life in the state as a whole.

Keywords: paths of development of Russia and Europe, Tsar Peter, female characters, spiritual and moral traditions, family and state structure of life.

For citation: Chervonenko S. M. The artistic function of female characters in part 1 of A. N. Tolstoy's novel *Peter the First*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):134–141. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.013.

Введение

А. Н. Толстого как автора исторического романа «Петр Первый» волновала судьба России. В «фокус авторского внимания неизбежно попадает проблематика создания империи с разветвленным семантическим комплексом... историософские размышления об исторической роли России, ее социальном устройстве и перспективах развития» [цит. по: Алексей Толстой ... , 2004, с. 311–312]. Вопросы путей развития русского общества, своеобразие менталитета, нравственные и духовные особенности уклада жизни становятся основополагающими и проходят лейтмотивом через все повествование.

В рамках исследования рассматриваются важные аспекты, к которым обращается автор романа «Петр Первый», — это состояние семьи, семейных отношений, взаимоотношения мужских и женских характеров. Поэтому в работе сделан упор на рассмотрении поэтики раскрытия женских образов, как русских, так и европейских, так как именно представительницам слабого пола предназначено быть хранительницами семейного очага, воспитывать подрастающее поколение, а значит, быть носительницами духовно-нравственных идеалов общества. На этот аспект обращал внимание А. Н. Толстой в своих публицистических статьях; по справедливому замечанию Л. И. Щелоковой, рассматривая «заметки и очерки, проникаешься пониманием его глубокой тревоги за современное состояние мира, будущее страны» [цит. по: Алексей Толстой ... , 2019, с. 151].

Эта тема актуальна и по сей день. К ней обращаются многие современные исследователи творчества писателя: А. С. Акимова, С. А. Голубков, В. В. Аристов, О. В. Быстрова и др. Теоретической основой для данного исследования послужили работы В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Б. В. Томашевского, А. В. Моторина, А. М. Крюковой [Крюкова, 1990 ; Бердяев, 1991 ; Ильин, 1999 ; Соловьев, 2001 ; Томашевский, 2001 ; Моторин, 2013].

Основная часть

В своем масштабном произведении А. Н. Толстой, безусловно, следует традиции Д. С. Мережковского, опираясь на его трилогию «Христос и Антихрист», в особенности заключительный роман «Антихрист. Петр и Алексей». Писатель «так или иначе был захвачен влиянием этого мастера», как отмечает А. М. Крюкова, а «проблема “Запад — Восток”» [Крюкова, 1990, с. 192] ложится в основу произведения. Выбранный жанр исторического романа позволяет автору увидеть «изображаемое не только в его целостности, но и в связях с последующим историческим развитием» [цит. по: Дронова, 2021, с. 49].

Необходимо отметить, что А. Н. Толстой, в отличие от Д. С. Мережковского, не показывает подробностей внедрения европейских инноваций в российское общество, останавливаясь лишь на общеизвестных фактах: замене платья, бритье бород и некоторых других. Между тем

Мережковский в романе «Антихрист. Петр и Алексей» приводит подробные описания отрицательного влияния оевропеившихся русских на своих соотечественников. Вероятно, это обусловлено тем, что Толстой описывает события только до начального этапа строительства Петербурга, а Мережковский запечатлел историю царя Петра как уже весьма взрослого, уверенного в себе правителя, благоустраивающего новую столицу России. Приведем эпизод возведения привезенной из Италии статуи богини Венеры, когда все общество поклоняется языческому идолу: «...все гости, не только кавалеры, но и дамы, даже девицы, должны были по очереди подходить к ушату, принимать от князя-папы большую деревянную ложку с перцовкою... потом кавалеры целовали Венус, смотря по возрасту, молодые в ручку, старые в ножку; а дамы кланялись ей, приседали чинно, “с церемониальным куплементом”» [Мережковский, 1990, с. 343]. Эту сцену автор толкует как демонстрацию нравственного разложения в русском обществе, измены христианству. Истоки подобного антихристового начала косвенно угадываются и в ткани повествования у А. Толстого уже при описании молодости Петра, его пьянства, личного участия в казнях и пытках. Оба писателя интересуются религиозно-нравственной стороной развития русского общества, актуализируют философские вопросы, обращаясь к сложной проблеме соотношений добра и зла. Мережковский решает данную проблему преимущественно в религиозном ключе, Толстой отклоняется в социальную сферу и вслед за Вл. Соловьевым пытается «выставить связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины» [Соловьев, 2001, с. 17].

Начиная с самых ранних рассказов и пьес и заканчивая масштабными полотнами, «Хождение по мукам» и «Петр Первый», А. Н. Толстой так или иначе углубляется в различные грани семейной и любовной темы. Любовь в творчестве Толстого приобретает особое значение. Именно это чувство становится стержнем, без которого невозможно полноценное существование человеческой личности.

Заметим, что в ранних произведениях («Кукушкины слезы», «Ракета», «Касатка» и др.) А. Толстой в любви подразумевал, как правило, именно страстное чувство, которое зачастую несет разрушение и страдание. В более зрелом творчестве прозаика такое понимание любовного чувства претерпевает трансформацию. Автор делает уклон в сторону понимания традиционных христианских ценностей и тем самым отходит от сюжетов с разновидностями адюльтера, который был в центре внимания писателей в начале XX века.

В масштабных полотнах А. Н. Толстого на первый план выходит домашний очаг, к которому стремятся герои и особенно героини. Проблема семьи освещается писателем чаще всего через женские характеры. Крупным планом он выводит образы своих героинь, будь то Катя и Даша в романе «Хождение по мукам», или царевны Софья, Наталья, царицы Евдокия, Наталья Кирилловна, фаворитка Петра Первого Анна Монс и др. Каждая из них, проходя через страдания, горечь разлук и социальных препятствий, стремится к простому женскому счастью, но не может обрести его в силу причастности к кругу, в котором положение в обществе определяют не личные чувства, а политические обстоятельства.

В романе «Петр Первый» героини становятся «своего рода олицетворением социальной проблемы эпохи» [цит. по: Томашевский, 2001, с. 254]. Для многих из них чувство любви — это серьезное испытание. Проводя через него женские персонажи, Толстой выходит на раскрытие одной из основных тем всего своего творчества — ценности семейных отношений, которыми в юности чаще всего легкомысленно пренебрегают. Здесь основополагающими становятся слова царевны Софьи, которая в ранней молодости сильно упивалась своей любовью к князю Голицыну, а несколько лет спустя поняла легковесность любовных отношений, если они не имеют в перспективе благородной цели — создание семьи: «...хорошо так любить семнадцатилетней девчонке, — с вечной тревогой, прячась, думая неотстанно, горя по ночам в постели» [Толстой, 1959, с. 81]. Если нет впереди брачного венца, то это приводит лишь к страданиям и постепенному нравственному развращению, так что у Софьи вместо любви «ненависть клубком подпирала горло» [Там же].

Особое место в ткани повествования романа А. Толстого занимает образ молодой жены Петра Первого — царицы Евдокии. Раскрытие характера героини автор проводит на контрасте с образом фаворитки царя — Анны Монс. Через своеобразное их противостояние автор затрагивает сразу несколько смежных проблем. Одним из основных вечных вопросов для героинь становится переживание несчастной любви. У Евдокии есть законный супруг, который ее не любит,

и все ее попытки изменить ситуацию заканчиваются горьким для нее итогом. Но и обладательница сердца Петра, красавица-немка, так и не смогла обрести счастье, поскольку отношение к Петру — это не ее выбор: «роман» в политических и экономических целях устроен рационалистами немецкой колонии в Москве. Невозможность узаконенного обществом, венчанного брака приводит к внутренней трагедии и любовнице Петра. Красочной иллюстрацией этого становятся слова Анны Монс: «Я не люблю его. Он придет — нетерпеливый... Я — мертвая...» [Толстой, 1959, с. 397]. Прозаик использует именно этот сильный эпитет — *мертвая*, тем самым подчеркивая силу внутреннего опустошения, которое неизбежно сопутствует подобного рода отношениям.

Развивая тему этого любовного треугольника, А. Толстой идет дальше: через раскрытие характера своих героинь писатель подводит читателя к пониманию одной из основополагающих тем всего произведения — противостояние русской и европейской традиций, которые наиболее ярко воплотились в этих двух женских образах.

Здесь писатель обращается к вопросам, которые волновали очень многих философов начала XX века. Так, мысли Алексея Толстого тесно переплетаются с рассуждениями Н. А. Бердяева о путях развития России: что «замыслил Творец о России?», в чем «умопостигаемый образ русского народа, его идея?» [Бердяев, 1991, с. 283]. «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить...» [Тютчев, 1980, с. 168], — писал в XIX веке Ф. И. Тютчев. И. А. Ильин в своей статье «О России» определил незримую сложность родной страны: «Она — как тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться...» [Ильин, 1999, с. 182]. Загадочность и своеобразие русского народа, глубина нравственно-христианского уклада жизни, тернистый путь развития — все это приводит к трудноразрешимому вопросу о путях прошлой, настоящей и будущей России. Над этой проблемой размышляют на страницах произведений А. Толстого многие персонажи, которые не вполне отчетливо освещаются автором.

Через образ царицы Евдокии, ее поведение, стремление понравиться супругу автор показывает многие старозаветные черты русского народа, его традиционного уклада, который так тщательно пытался искоренить молодой царь Петр. Красноречивым выглядит эпизод встречи супругов. Толстой, как режиссер, показывает театр жизни, и ему «интересно не столько рассуждение и система доводов, сколько наглядная демонстрация» [Алексей Толстой ... , 2024, с. 192]. «Только первые ночи по возвращении он спал с женой. <...> Лапушка поцеловал жесткими губами, — весь пропах дегтем, табаком. <...> Говорил отрывисто, непонятно, дергал плечиком и все почесывался» [Толстой, 1959, с. 168]. Отчужденность, непонимание, взаимные обиды проскальзывают в начале семейных отношений, а со временем усиливаются.

Евдокия живет по старому укладу, ей тяжело понять устремления супруга. Сила предков в ее душевной жизни настолько велика, что не дает возможности стать равной реформатору. Толстой показывает, что лишь одного только желания любви и счастья для развития и сохранения семейных отношений недостаточно — необходимо взаимопонимание и уважение обеих сторон. Но из-за особенностей характера молодого царя, его волевой, своенравной натуры он лишь вызывает страх и недоумение у молодой женщины. Даже в интимных сценах романист обращает внимание на стеснение и скованность Евдокии: «... заробела, растерялась хуже, чем в ночь после венца, не знала, о чем и просить лапушку. И лежала на шитых жемчугом подушках дура душой» [Толстой, 1959, с. 169]. Отчасти это вызвано внутренним чувством, подсказывающим жене нелюбовь мужа, слухами о постоянных его встречах с соперницей в немецкой слободе. Вопреки этому Евдокия делает попытки сохранить семейные узы, быть нежной и ласковой супругой, однако это у нее практически не реализуется в силу воспитания, обстоятельств и необычайной сложности характера самого царя. Ей тяжело понять государственные заботы Петра, она не разделяет его устремлений, взглядов и замыслов, как это дано ее золовке Наталье Алексеевне. Евдокия неспособна изменить в себе сформированное миропонимание, основанное на старозаветных традициях и собственных взглядах на власть и поведение царей (и цариц). Ее желания просты и бесхитростны, порой в чем-то даже наивны, но ее душа лишена сострадания, о чем говорит диалог с Петром после кончины Натальи Кирилловны. Раньше она мечтала вместе ходить в храм: «... А то бы вместе говели, заутреню стояли бы... Разговлялись... <...> На первый день можно позвать девок — играть на лугу в подкучки, катать яйца... Песни, хороводы. На качелях — смеяться. В жмурки бегать» [Там же, с. 141]. Подобные мысли естественны для женщины-обывательницы, но не для царицы. И хотя наивность делает Евдокию в определенной степени привлекательной, однако

прежде всего она — супруга государя, которая должна стать для него поддержкой и опорой в государственной деятельности. Между тем перемена характера царице не по силам. Все в ее поведении сводится к примитивным женским переживаниям, стремлению удержать супруга около себя. По А. Толстому, она изначально не была готова к исполнению роли царской жены. Недальновидность, бесхитрость, заурядность — все это тормозит ее внутреннее развитие и не дает возможности стать царицей, чтобы не только повелевать подданными, но и разделять государственные заботы, что впоследствии удалось Екатерине Первой.

Казалось бы, воспитание на старозаветных устоях должно поддерживать в молодой супруге терпение и любовь даже к такому своенравному мужу, как молодой царь Петр, но этого не происходит. Здесь Толстой смотрит вглубь семейной проблемы, а точнее семейного воспитания, являющего свои отрицательные стороны, которые ведут к трагическим последствиям. Раскрывая данный вопрос, писатель через образ молодой царицы подводит читателя к пониманию проблемы внутреннего устройства русского общества, социального уклада того времени. Данное положение вещей в царской семье: непонимание, размолвки, абсолютно разные взгляды на жизнь, отсутствие поддержки со стороны не только супруги, но и ее родственников — влекут за собой разрушение семьи. При этом А. Толстой не возлагает вину только на одну из сторон. Ему важно тонко и глубоко рассмотреть исторический факт распада царской семьи, поэтому он художественно конкретизирует и одновременно расширяет проблему, показывая и в этой сюжетной линии не только трагедию судеб отдельно взятых личностей, но столкновение двух направлений развития общества: русского и европейского.

Следует отметить, что автор не идеализирует ни тот, ни другой путь. Ему важно изобразить полную картину исторического времени, чтобы у потомков была возможность сделать правильные выводы, осознать как трагические ошибки, которые допустили их предки, так и подвиги, совершенные «работником на троне» и всем народом.

Толстому важно представить женские образы во всей полноте их главной роли, так как во все времена именно женщина являлась хранительницей домашнего очага, опорой и поддержкой для мужа и детей. Отчасти именно поэтому так много женских персонажей в анализируемом романе, и каждый несет особую смысловую нагрузку. А. Толстой, как и многие писатели XIX столетия, обращает внимание на познание «сущности духовных явлений, а вместе с тем и художественное изображение своего познания» [цит. по: Моторин, 2013, с. 22].

Указав на недостатки в русском обществе, Толстой переходит к Европе. Особое место в ткани повествования занимает сюжет о поездке молодого царя за границу, в котором Толстой дает подробное описание европейского быта и нравов. Простота, напускная наивность, отчасти косная «дремучесть» русского народа противопоставлены европейской рациональности в светских и научных вопросах, хотя это во многих случаях лишь внешняя, иногда для читателя развлекательная сторона. Толстой через сюжетные коллизии ведет читателя вглубь нравственно-этической проблематики рубежа XVII–XVIII веков и одновременно к пониманию своей, столь же сложной современности, устремленной к тому, что было для него будущим, а для нас, новых читателей, постепенно становится прошлым.

Естественно, автор обращается к вопросам внутренней жизни аристократических семейств европейских стран, и в фокусе его внимания вновь оказываются, наряду с мужскими, женские образы. Показательна в этом отношении встреча царя Петра с семейством курфюрста и их сыном кронпринцем, наследником английского престола. Этот эпизод становится одним из основополагающих для понимания общего социального состояния и миропорядка Европе того времени. Для повествователя здесь важно все, особенно символические детали изображения поместья, где происходит знакомство.

Романтические впечатления Петра о светлой и радостной загранице улетучиваются при описании внешних недостатков, а порой настоящей древней окостенелости быта в средневековом замке, в котором ожидают молодого царя Руси курфюрстина Софья с дочерью Софьей-Шарлоттой: «...перед камином, занавешенным из-за уродства китайской тканью. <...> Несколько современных шпалер и ковров едва прикрывали облупленные кирпичные стены, где высоко под сводами несомненно водились совы» [Толстой, 1959, с. 324]. Заскорузлая старость царит даже в быту высших кругов европейской знати: «...спешно добытые хозяином шелковые креслица стояли на плитчатом полу... Отовсюду пахло мышами и пылью» [Там же]. Этот набросок

средневекового замка становится ярким штрихом погружения в атмосферу бедности и запустения, не только финансового, но и нравственного оскудения, с которыми столкнулся Петр в просвещенной Европе — той самой, которой прежде восхищался.

Почтенных дам приводит в уныние мысль об ужасающих нравах предков, но и сами они далеки от идеала. Антитезой окружающей обыденной и неприглядной реальности становится их изнеженность, преувеличенная претензия на уточненный ум. После внешнего описания Толстой схематично, одним мазком характеризует образ жизни «благородных» предков: плиточный пол истерт «сапогами рыжебородых рыцарей и подковами рыцарских жеребцов» [Толстой, 1959, с. 324]. Эта деталь подводит читателя к пониманию тех обычаев, которые царили в средневековой Европе и которые вызывают ужас и отвращение у высокопоставленных героинь, а вместе с ними и у читателя: «Дамы содрогнулись при мысли о грубости нравов, слава создателю, — исчезнувших навсегда» [Там же].

В этом эпизоде Толстой вскользь обращает внимание читателя на один из основополагающих аспектов человеческого бытия — смысл жизни. Обе героини являются представительницами высшего круга, в них сочетаются лучшие качества, ценимые европейским обществом того времени: «Они были образованнейшими женщинами Германии. Обе состояли в переписке с Лейбницем, говорившим: “Ум этих женщин настолько пытливы, что иногда приходится капитулировать перед их глубокомысленными вопросами”» [Толстой, 1959, с. 324]. Перед Петром — две достойные дамы, ставящие на первое место просвещение, покровительствующие «искусствам и словесности»: «Софья-Шарлотта основала в Берлине академию наук» [Там же]. Они показаны как воплощение образованности и утонченности — идеал женщины той эпохи. Именно к нему, казалось бы, по логике повествования, должны стремиться представительницы прекрасного пола и в России.

В схематичном портретном описании героинь А. Толстой останавливает внимание на глазах, как и в эпизоде с Анной Монс. Автор особое внимание обращает на нескрываемую неискренность: «...лишь черные большие глаза ее светились живым лукавством» [Толстой, 1959, с. 325]. За зеркалом души скрывается бездна «политеса», в данном случае расшифрованного как притворство. А. Толстой использует понимание старой русской пословицы для емкой и точной характеристика героини.

Значим и сам эпизод общения дам с царем. Писатель яркими штрихами изображает смущение Петра, его «не европейский» конфуз перед дамами: «...поднес руку ко лбу, будто чтобы потереть, совсем смутился и закрыл лицо ладонью» [Толстой, 1959, с. 325]. Он напоминает здесь маленького ребенка, стесняющегося старших сестер. Все попытки героинь сблизиться с венценосным братом не приносят успеха, поскольку плохо замаскированная фальшь проглядывает в их действиях. Толстой указывает на три момента, которые отталкивают царя и не дают сблизиться с родственницами: «...не будь она так красива и гола, не шурши ее надушенное платье...» [Там же, с. 326]. С одной стороны, это можно рассматривать как естественное стеснение мужчины перед красивой, недостижимой женщиной, но с другой — автор продолжает мысль, добавляя частицу, обозначающую модальность, не допускающую реализации: «совсем бы сестра родная». Окончание фразы становится неким символическим намеком на невозможность сближения не только людей, находящихся в родственных отношениях, но и объединения России с Европой.

Открытое платье (дама почти «гола») становится символом раскрепощенности европейских нравов. Шуршание платья, запах дорогих духов — это лишь несколько уловок, помогающих аккуратно скрыть внутреннюю лукавую сущность их обладательниц. Сама красота показана неестественной и вызывает лишь страх у собеседника. Автор здесь тонко указывает на разное понимание женской красоты у европейцев и русских.

А. Н. Толстой подробно очерчивает круг интересов почтенных дам: «Живопись, музыка, поэзия, игра живого ума, устремленного ко всему утонченному и изящному, — вот единственное достойное содержание мимолетной жизни» [Толстой, 1959, с. 324]. Установку на такие приоритеты делает Европа, а вслед за ней должна бы делать и Россия, если возьмет Запад за образец. Получается, России необходимо отказаться от возложенной на себя миссии быть «третьим Римом», носительницей и хранительницей духовно-нравственных устоев предков, так как европейские тенденции воплощают стремление к развитию внешних проявлений человеческой жизни, отодвигая на периферию заботу о духовной стороне существования.

Заключение

Таким образом, поднимая одну из основополагающих проблем семейных отношений, А. Н. Толстой в романе «Петр Первый» раскрывает особенности женских характеров, изображая в постоянном сравнении проявленные в них российские и западноевропейские культурные традиции. Рассматривая положительные и отрицательные стороны того и другого миропорядка, национальный уклад и духовно-религиозные основы жизни, писатель в своем масштабном повествовании показывает сложность и неоднозначность Петровской эпохи. Через характеристику преобразований молодого царя, их влияние на бытовой уклад, духовные и нравственные стороны жизни российского общества автор подводит своего читателя к пониманию особенного пути развития России.

Список источников

1. Алексей Толстой: Диалоги со временем. — М. : ИМЛИ РАН, 2019, 2024. — Вып. 3. — 2019. — С. 144–152 ; Вып. 4. — 2024. — С. 175–194, 310–320.
2. Бердяев Н. А. Собрание сочинений : в 5 т. — Париж, 1991. — Т. 3. — 342 с.
3. Дронова Т. И. Исторический роман Д. С. Мережковского в перспективе XX века. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2021. — 421 с.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Рус. кн., 1999. — Т. 6. — 672 с.
5. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. — М. : Наука, 1990. — 260 с.
6. Мережковский Д. С. Собрание сочинений : в 4 т. — М. : Правда, 1990. — Т. 2. — 768 с.
7. Моторин А. В. Теория русской словесности. — В. Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. — 300 с.
8. Соловьев В. С. Собрание сочинений : в 9 т. — М. : Наука, 2001. — Т. 5. — 546 с.
9. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958–1961. — Т. 7. — 1959. — 862 с.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. — М. : Альт-Прима, 2001. — 243 с.
11. Тютчев Ф. И. Собрание сочинений : в 2 т. — М. : Правда, 1980. — Т. 2. — 283 с.

References

1. *Aleksey Tolstoy: Dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: Dialogs with Time]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2019, 2024, iss. 3, pp. 144–152; iss.4, 2024, pp. 175–194, 310–320. (In Russian)
2. Berdyayev N. A. *Sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Paris, 1991, vol. 3, 342 p. (In Russian)
3. Dronova T. I. *Istoriyosofskiy roman D. S. Merezhkovskogo v perspektive XX veka* [D. S. Merezhkovsky's historiosophical novel in the perspective of the twentieth century]. Saratov, Publ. house Sarat. Univ., 2021, 421 p. (In Russian)
4. Ilyin I. A. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999, vol. 6, 672 p. (In Russian)
5. Kryukova A. M. *A. N. Tolstoy i russkaya literatura: Tvorcheskaya individualnost v literaturnom protsesse* [A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative individuality in the literary process]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 260 p. (In Russian)
6. Merezhkovsky D. S. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 2, 768 p. (In Russian)
7. Motorin A. V. *Teoriya russkoy slovesnosti* [Theory of Russian Literature]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State Univ. Publ., 2013, 300 p. (In Russian)
8. Solovyov V. S. *Sobraniye sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2001, vol. 5, 546 p. (In Russian)
9. Tolstoy A. N. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow, State Publ. House of Artistic Literature, 1958–1961, vol. 7, 1959, 862 p. (In Russian)
10. Tomashevsky B. V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Alt-Prima Publ., 2001, 243 p. (In Russian)
11. Tyutchev F. I. *Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 2, 283 p. (In Russian)

Информация об авторе

Червоненко София Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал).
Сфера научных интересов: филология, литературоведение.

Information about the author

Chervonenko Sofia Mikhaylovna — candidate of philology, associate professor in the department of Linguistics, Bauman Moscow State Technical University (Mytishchi Branch).
Research interests: philology, literary studies.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025; принята к публикации 06.11.2025.
The article was submitted 22.01.2025; accepted for publication 06.11.2025.